
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ДЕТСТВО НА ВЕТЛУГЕ*
(Главы из повести «Мой отец — офицер»)

Глава 3. Хлеба созрели

Дарья прибиралась в избе. Вымыла некрашенные полы с песком, отскоблила столешницу до белизны и принялась наводить блеск на образах. Седобородый Николай Чудотворец смотрел на нее с отцовской нежностью. Скоро жатва, и она старалась, что-бы к самому ответственному этапу крестьянского земледельческого труда в избе было празднично, светло и чисто. С особенным тщанием и любовью убиралась Дарья в переднем углу. Икона Святителя Николая, хотя и не очень богатая, в медном окладе, но особо ею почиталась, потому как была передана матерью вместе с преданием, которое запомнилось Дарье на всю жизнь.

Как-то мать Дарьи, будучи еще молодницей, отправилась на раннюю службу в Варнавинский монастырь. А деревня Бархатиха находится километрах в тридцати от Варнавина на противоположном берегу Ветлуги. Дорога, которая ведет на речную переправу к монастырю, петляет по лесистому берегу среди сосновых и еловых зарослей. По ней-то в то утро под пересвист ранних птишек, под свои девичьи думы и шла к переправе мать Дарьи.

Где-то на полпути, из лесу неожиданно выскочил страшный мужик, загородив дорогу. Был он космат и грязен. Испугалась девушка и стала горячо молиться: «Отче Николае, помоги!». После первых слов произнесенной молитвы, из леса вышел небольшого роста седенький старичок с палкой в руке. Взмахнул своей палкой в сторону лиходея, а девушке говорит: «Не бойся ничего, раба Божья, ступай дальше на молебен». Глянул косматый мужик на старичка, отшатнулся. А обращаясь к ней, сказал, зловеще сверкнув глазами из-под косматых бровей: «Ну, девонька, моли Бога и своего заступника святого, а то бы...». После этого скрылся в лесу. Старичок, а это был не кто иной, как Николай Угодник, тоже пропал, как и не было его...

---

* Окончание; начало в «ПЗ» № 1, 2013.

Дарья чистила икону, вспоминая сейчас о случившемся с матерью чуде. Невольно всплакнув, смахнула слезу и горячо прошептала молитву.

В 1934 году колхоз «Красная звезда» не имел ни одного трактора. Все работы в поле выполнялись вручную силами новоявленных колхозников. На правлении колхоза было принято решение по указке из района о начале жатвы в понедельник. Но на собрании колхозники воспротивились, долго шумели, говорили, что это не побожески, что так дело не пойдет, если нарушать старые обычаи крестьянской жизни. Председатель до хрипоты спорил с ними, говорил, что попов давно прогнали, и хватит цепляться за темноту и суеверие, которые тянутся со времен староверов. Но крестьяне стояли на своем, и председатель предупредил, что завтра поедет в Варнавин за полномоченным.

Но к вечеру другого дня председатель вернулся один и сказал, что жатву колхозники начнут в субботу, но всех зачинщиков смуты он возьмет на заметку. Крестьяне в ответ ему только смеялись и говорили, что наши-то ветлужские леса местами будут страшней сибирских, потому и бояться им нечего.

Издавна к началу жатвы ветлужские крестьяне относились со всей серьезностью. Ведь жатва — один из самых ответственных этапов крестьянского труда. Считалось, что зажинать надо только в «легкие» дни. А это — вторник, четверг или суббота. Иногда — воскресенье.

— Ну, в субботу, так в субботу, — сказал вечером за столом отец, принеся эту новость с собрания.

— Ты, Сано, не спеши, когда резать-то будешь, — продолжал Николай, — режь со скольжением, вроде как пилишь. Сжатые стебли отделяй от стоячих. А левую-то руку поднимай вверх и клади на подготовленную вязку.

Саша уже год, как колхозник, всякую работу ему приходилось выполнять. Да и с серпом знаком не понаслышке. Но работал этим изогнутым ножом с рукояткой пока на небольших делянках: при уборке полеглых колосьев или когда помогал матери в огороде. А теперь предстояла большая, трудная крестьянская страда. Хлеба созрели, и всем миром выходит деревня на толоку. Так называли совместную работу в поле.

И сейчас, слушая отца, ему казалось, что он эту работу знает и сумеет жать не хуже взрослых. Но что такое целый день работать серпом, он еще мало себе представлял. Не приходилось ему участвовать раньше в большой жатве.

— Рано-то в первый день все равно не пойдём. После обеда, — отозвалась мать, ставя на стол варево.

«Я уж и яиц наварила с собой в поле-то. А как без них. Начнем немного, потом все вместе поедим, а шелуху разбросим по загону, чтоб вновь выросла рожь».

«Оно, конечно, Дарья, дедовских обрядов может забывать и нельзя, да только приедет уполномоченный на жатву, он ведь не даст нам особенно расхолаживаться. И то хорошо, что не в понедельник начнем. А уж первые колосья ты, Сано, принеси домой. Поставим перед иконой. Нам ведь на поле-то не позволят оставить пожинальную бороду. Все, сказывал председатель, до последнего колоска государству сдадим».

В старину крестьяне Югаров на каждом поле оставляли несжатым пучок колосьев, его называли пожинальной бородой и предназначали Илье-пророку, покровителю деревни. Для этого стебли свивали жгутом, а колосья втапывали в землю. Затем сверху клали кусок хлеба, посыпанного солью. При этом женщина — крестьянка приговаривала:

*Вот тебе, Илья, борода,
Расти овес на прок,
Корми доброго коня.*

На смену языческим крестьянским обрядам пришли уполномоченные районного Заготзерна. Пришли со своей агротехникой и могучим желанием стать хозяевами природы. И не стало сельского хозяйства. Перестал крестьянин верить в свою силу, а пошел на поводу у одержимых комиссаров, устраивавших пресловутый рай на земле под названием «коммунизм».

Но пятнадцатилетнему колхознику Саше Лебедеву завтра выходить на свою первую взрослую жатву. И работать он будет не за коммунизм, а за трудодни, что бы помочь отцу и матери в их нелегкой крестьянской жизни.

— Товарищи колхозники, молебнов совершать не будем. Кончилось время слепого повиновения религии. Долой попов, даешь свободный колхозный труд! — с таких слов начал свое выступление районный уполномоченный.

Потом он долго говорил о том, что единоличный труд под царским игмом превратил крестьян в рабов империализма. Только коллективизация дает крестьянам безбедную и сытую жизнь...

Слушал его Николай, и с горечью вспоминал свое кирпичное ремесло, которое пришлось оставить. И все из-за того, что коллективизация превратила его в наемного работника, отучила от земли и от этого доходного промысла. Пропал интерес к труду. А сколько изгнали лучших хлеборобов с наших полей? Сколько искалечила человеческих судеб, душ и погубила человеческих жизней эта насильственная коллективизация?

Пока сохранились, но бездействуют из-за отсутствия у крестьян зерна многие водяные и ветряные мельницы, маслобойни. Продолжает угасать кустарный крестьянский промысел. Говорят в народе, что по району не работают многие заводы сухой перегонки древесины. Владельцы их давно в Сибири.

Вернулись недавно в деревню Василий и Павел Соловьевы, уходившие на заработки. Работали на дегтярне, заработок был приличный. Но образованный государством леспромхоз заменил кооперативную артель, заработки резко упали, да и сама работа вроде и та, а вроде и не та. Приехали братья в деревню, но в колхоз не захотели вступать, посмотрев на то, что стало с отцовским хозяйством. И решив, что так будет лучше для них, уехали в кадровые рабочие Варнавинского леспромхоза.

— На основании имеющихся успехов в работе колхозов района, особенно в связи с распределением доходов от урожая прошлого года, партия призывает развернуть работу по дальнейшему вовлечению бедняков и середняков-единоличников в колхозы. Сделаем все, чтобы наш край стал краем сплошной коллективизации! — закончил свое выступление уполномоченный.

После первого дня почина, в который вышли в поле после обеда, к жатве приступили рано — часов в шесть, по холодку. Пучок ржи сжимался левой рукой, захватывался серпом, перегибался и подрезался. Пучки соединялись в тяжелые снопы, а из них ставили ставушки, непроницаемые для дождя. Работа монотонная, утомительная, внаклонку и тяжелая.

Солнце обжигало горячими лучами спину, по лицу тек ручьями пот. Уже неделю Саня работает на жатве. Крестьяне стараются закончить жатву как можно быстрее. Полтора трудодня записывалось каждому колхознику за сжатые двенадцать соток ржаного поля.

И не до песен уже, про которые говорила мать, когда собирались они сегодня рано утром в поле. «Раньше-то, бывало, по молодости, по дороге на работу, да и обратно, пели специальные песни, в которых обращались к зерну», — говорила Дарья, и пела низким голосом:

*«И говорило, и говорило Ржаное жито
Не хочу я в поле стояти,
Не хочу я колосом махати,*

*А хочу я во пучок завязаться,
В засеку ложиться,
А чтоб меня ржаное жито —
Во пучок связали
Из меня рожь выбрали»*

Мать долго смотрела в окно на утреннюю деревенскую дорогу, на кур, копошащихся в ее пыли, на крытые дощаником избы. Вдоль по всей улице росли высокие березы, шелестевшие ветками от слабого августовского ветерка. Что она думала, где была в своих мыслях, Саша не понял. Только улыбнувшись и поправив платок, она негромко добавила:

— Саня, закончишь жатву, да пойдешь с поля, ты серп-то оберни былинками ржи. Голых серпов домой носить нельзя. Урожая не будет.

Сегодня, когда он вышел на улицу и пошел в поле, дорогу ему перебежала младшая дочь Михаила Соловьева — Валентина. От внезапности он даже вначале остановился, как вкопанный. И сразу вспомнил отцовы слова о том, что если кто пересечет дорогу на жатву, считается плохой приметой — руку обрежешь.

Потому он сегодня весь день резал серпом очень аккуратно, и вдруг услышал голос Пашки Воронова.

— Саня, гляди, что я нашел,— Пашка протягивал к нему руку с медным крестом. Вдруг острая боль пронзила левую руку Саши. Из глаз брызнули слезы. Колосья ржи свисали из левой руки багровыми кистями. Рукав рубахи на поднятой руке был окрашен красным цветом до самого локтя. Из ровного разреза под большим пальцем кровь хлестала фонтаном. Отбросив серп, Саша зажал рану правой рукой. К нему уже бежала мать, срывая с головы платок.

— Ох, ты горе мое луковое! Давай скорее руку»,— подбежав, Дарья крепко завязала платком рану.— Пашка, беги скорее кровавника нарви,— крикнула запыхавшаяся Дарья. Тот опрометью бросился к дороге, около которой белел головками тысячелистник. Пашка с силой рвал его за упругие стебли, вдыхая разливающийся полевой запах горькой травы. И горько стало ему самому, и нахлынули слезы от набежавшей жалости к товарищу.

— Держи, тетя Дарья,— сунул он ей охапку пахучего тысячелистника и отвнулся. Дарья сорвала со стеблей листья и стала крепко разминать их в своих больших крестьянских ладонях. Осторожно сняла платок с руки Александра и на кровоточащую рану наложила получившуюся кашицу. Снова крепко забинтовала ладонь сыну. Потом взяла его за порезанную ладонь большим и указательным пальцем правой руки, крепко сжала и проговорила заговор: «Дерн дерись, земля крепишь, а ты кровь у раба Александра уймись».

Дарья повторила заговор три раза, отплевываясь после каждого в правую сторону. Посмотрела на Пашку и спросила:

— Теперь понимаешь, почему эта трава называется «кравник»? Да потому, что даже в поле, где и не очень чисто, раны быстро заживают, если на них приложить тысячелистник.

Мать велела сыну идти домой. Она сама сказала бригадиру о случившемся несчастье, бригадир недовольно пробурчал, назвав Саню криворуким, но в трудодень записал все, что было сжато парнишкой в этот день.

Саша не хотел уходить, хотя почувствовал, что руку начало «дергать», боль стала разливаться вверх от пораненной ладони.

— Да не больно, мама, я работать смогу,— пытался он уговорить мать не отправлять его домой.

— Молчи уж, работник. Твоя жатва на этом поле закончилась.

Через неделю рана поджила, видно тысячелистник и вправду обладал чудодейственной силой, и Саша снова вышел на работу. Но жатва в колхозе заканчивалась. Пришлось ему возить снопы на ригу, молотить зерно, свозить его в амбар.

Всю жизнь оставшийся на левой ладони шрам от пореза напоминал ему о жаркой жатве в августе, о колхозной юности, о нелегкой крестьянской доле. Вспоминая, Александр каждый раз с благодарностью думал о матери — простой ветлужской крестьянке, мудрой и молчаливой женщине, которой пришлось многое пережить, постоянно находясь в трудах и заботах.

Как поздно мы порой замечаем, что не хватает рядом близких и родных людей. Только время спешит вперед, делая зарубки в нашей памяти, какие мы делаем в лесу, чтобы не заблудиться. Благодарность к родным и близким людям, которые любили и понимали нас, как никто другой, молча прощали нам все обиды, горькие слова, жалели нас и желали добра — это те зарубки, которые не позволяют нам забывать прошлого.

Глава 4. Рыбаки Ветлуги

Дорога жирно чавкала под усталыми, расплзающимися копытами лошади. Нудно моросил мелкий сентябрьский дождь. Лошадь не слушалась, часто останавливалась перевести дух. Да и сам Александр выбился из сил, рука нехотя поднималась и падала плетью, надоело понукать и подгонять лошадь вожжами. Смеркалось. Деревенские избы медленно, вдоль улицы двигались навстречу подводе. И вдруг лошадь фыркнула несколько раз и, откинув уши, уставилась с удивлением на выплывающий из дождя знакомый дом. Она резво ускорила свой ход.

Да и Александр внезапно ощутил всем своим телом тепло родного уюта. Даже хлебный дух почувствовал. И на него как будто дохнул жар из печи в родительском доме. Вот еще немного на горку и ему улыбнулись слабо светящиеся окна дома. Значит, не ложились, ждут его.

Сегодня он припозднился. До дождя не успели перевезти весь выкопанный картофель с поля, пришлось месить грязь. Бригадир за каждым мешком, за каждой картофелиной следил. Тщательно пересчитывал мешки в подводе, а потом после окончания перевозки, снова все проверил и пересчитал в хранилище.

— А что вы хотите? В нашем сельсовете безобразное отставание с картофелепоставками», — кричал он на колхозников. — Вы свою личную картошку вместо того, чтобы сдавать, как положено на государственные склады, прячете в погребах. Чего ждете? Чтобы милиция по дворам пошла? Так хоть с колхозного поля без потерь все свезем на склад.

Почти два года прошло с того дня, когда 7 декабря 1934 года для городского населения отменили продовольственные карточки на хлеб, муку и крупу. И в колхозах немного жизнь улучшилась. Но борьба ВКП (б) по выполнению зернопоставок не ослабевала. Продолжались репрессивные меры против единоличников. Нарушители закона о зернопоставках приговаривались к лишению свободы, к принудительным работам.

В деревне шутили: «Прикончилась жизнь слезная — новая пошла колхозная». Правда, были и свои положительные моменты. В Горкинской школе начал работать агротехнический кружок, в котором обучали крестьянскую молодежь близлежащих деревень. В числе первых Александр был принят на учебу, которую через полгода закончил.

А сегодня, когда он, нагрузив полную телегу, повез последний воз, на картофельное поле приехал председатель. Остановил, посмотрел на него внимательно и по-отечески. Потом сказал, что в селе Богородское организуются от Варнавинской МТС курсы трактористов. От каждого колхоза Горкинского сельсовета будет направлено по одному человеку.

— Ты, Лебедев, парень грамотный, шесть классов закончил да курсы агротехников, вот и решили на заседании правления послать тебя учиться на тракториста в Богородское. Поедешь в следующем году, когда тебе восемнадцать стукнет» — огорошил Александра председатель. Но в душе парня такая волна поднялась!

Вот и торопился Саша домой. Знал, что отец тоже будет рад этому известию. Такая новость дорогого стоит. Семья получала взрослого кормильца с серьезной профессией. Хоть Лебедевы и работали в колхозе втроем, но если бы не огород, на трудодни вряд ли обеспечивались питанием. Все забирало государство от колхозов, а по трудодням совсем нечего было распределять.

Шел сентябрь 1936 года. Еще весной, в конце марта был совершен большой арктический перелет из СССР в Америку. Водопьянов, Махоткин, Фарих своим подвигом прославляли мощь Советского Союза, а на Пленумах ЦК ВКП (б) сетовали на то, «что мало расстреливаем». Борьба с голодом в стране сводилась к ужесточению, к репрессиям и чистке от «врагов народа».

При создании машинотракторных станций ставилась задача по оказанию помощи колхозам и единоличникам: технической, агрономической и ветеринарной. А основная задача — проводить в деревне партийную линию по искоренению кулаков, как класса.

Всех этих премудростей классовой борьбы деревенский парень Саня Лебедев не ведал. Он просто радовался тому, что его первого в Югарах посылают учиться на тракториста.

— Саня, да ты вымок до самых костей. Разболейся скорее, да на печку греться,— встретила его мать в сенях,— Николай, распрягай лошадь. Видишь, Саня-то совсем обессилел.

Переодевшись в сухую одежду, Александр присел к столу. Мать подала ему ломть хлеба, картошки, соленых грибов. Уже перебравшись на печь, он сквозь сон почувствовал, что под бок к нему приткнулся Миша. «Большой уже,— подумал Саня,— В ноябре девять стукнет. Завтра расскажу ему про то, что сказал председатель. И матери с отцом все поведаю».

Наступил ноябрь. В двадцатых числах начались морозы. И довольно крепкие, ночью опускалась температура до минус десяти и ниже. На Ветлуге в заводах появилась ледяная корка. А с первым осенним льдом в конце ноября, иногда гораздо ранее санного пути, начинается самый главный лов рыбы — неводный. Все количество рыбы, пойманное весной, летом и ранней осенью ничтожно в сравнении количеством, добываемым в это время неводами ветлужских рыбаков. Именно поздней осенью и зимой. А летом рыбу ловили мало, потому что сельскохозяйственные работы, естественно, занимали все летнее время, дорогое для крестьянина.

Николай Лебедев был настоящим неводчиком. Оканчивались работы на полях, и он собирал югаровских мужиков на ловлю рыбы. Ловили рыбу на артельных началах. А объединялись в артель по двум причинам: во-первых, для лова рыбы неводом, а особенно зимой, требуется немало участников; во-вторых, изготовление рыболовных снастей было накладным делом для одного. В артель привлекалось до десяти-двенадцати человек.

— Сано, завтра собирайся со мной на Ветлугу. Двое рыбаков в артели и рыбы будет больше при разделе улова. Иван-то свою рыбу в Поляки повезет, а мы для себя будем стараться,— отец сидел на лавке, в руках его ловко ныряла деревянная игла. Он в последний раз проверял невод и завязывал на нем прорехи обыкновенным рыбачьим узлом.

Этому ремеслу — вязать сети — Александр был обучен с самого детства и мог вязать не хуже отца. Многим югаровским мальчишкам зимой вязал он наметки — большие сетчатые кошелки. Их прикрепляли на трехсаженные шесты и ловили рыбу, опуская с берега.

Утром Николай запряг лошадь, погрузил невод на телегу, в которую посадил Александра с Иваном. На вторую телегу уселись мужики и всей артелью двинулись к реке. Бодрил небольшой морозец. Лошадью правил брат Иван, Александр сидел, привалившись на грудь невода.

Год назад брат вернулся из Красной Армии. За прошедший год успел жениться, и теперь жил самостоятельно в деревне Поляки, которая находилась километрах в двух от Югаров. Иван много интересного рассказывал Александру после возвращения из армии. И про военную технику, и про службу, и про жизнь в других местах Советского Союза. Внимательно слушал Саня про армейский устав, про караульную службу, про чистоту в казармах. А такие слова, как тир, парикмахерская, буфет он впервые в жизни услышал от брата.

— Так что, Саня, не бойся, Красная Армия сделает из тебя грамотного, твердого бойца. Главное — слушаться отцов-командиров, и служить тебе, братка, будет не трудно. Такими словами почти всегда заканчивал рассказы Иван о своей армейской службе.

— Ну, мужики, с Богом. Пусть помогает Он нам сегодня», — Николай, идя рядом с подводой, похлопал Александра по плечу, — Вот у нас сегодня Сано обрыбиться должен. Как-никак впервой ему невод придется тягать. Хватит удочками баловаться, пора и бережника попробовать. Настоящего рыбного промысла почувствуй, сынок.

Выехав на берег, распрягли лошадей. Сняли невод с телеги. Привязали за один конец бережник (тяга у невода от берегового крыла). Прикрепили его за кол, вбитый в землю, чтобы ненароком не стянуло в реку при заводе сети. Невод с ходовым кодом уложили в лодку, Николай сел на весла. Двое артельщиков запрыгнули за ним, оттолкнув ее от берега. Невод, точно сам собою, начал сползать за лодкой в воду. Артельщики поправляли и сбрасывали сеть за борт.

Мокрые поплавки ныряли и вновь показывались над водой. Николай молча и сосредоточенно греб против течения. Ему давно известна каждая зацепина на дне, всякий подводный камень. Артельщики изредка переругивались. Вот опущено правое крыло и лодка поворачивает поперек течения. Сбрасывают мотню, лодка делает полукруг на середине реки и направляется по течению к берегу. Пошло в воду левое крыло. Пристают к тому же месту на берегу.

Здесь мужики подхватили ходовой кодол от правого крыла, из лодки на берег выпрыгивает Николай, за ним артельщики, и начинается самая трудная работа. Рыбаки, ухватившись за оба кодола, тащат невод. Пятясь, выволакивают на берег его мокрые крылья, обвешанные водорослями.

— Кажись, есть, есть рыбка-то! — весело кричат рыбаки. И Саша чувствует, как исходящие от них азарт, напряженность и веселость передаются ему. Он еще сильнее упирается, передвигая ноги. И вдруг становится видно, что в полукруге, обозначенном поплавками невода, бьется и переливается серебристое и живое ветлужское богатство. Рыбы столько, что невод встает, как вкопанный. Артельщики прикладывают последние силы, но он — ни с места. Веревки впиваются в ладони и звенят, как натянутые струны. Переругиваясь, они кричат, не в силах вытащить на берег мотню.

— Пудов двадцать будет! А шука-то что делает, ведь повыпрыгивает вся!

— Черти, невод порвем! — надрывая голос, кричит Николай и в азарте прыгает в это серебряное, бьющее хвостами, хлюпающее жабрами рыбное царство. Отгаливая плавающие осколки льда руками, он начинает сузьгой (сачок большого размера) выбрасывать рыбу на берег в запорошенную снегом траву. Еще трое рыбаков следуют его примеру. Вчетвером они орудуют сачками, стоя по пояс в ледяной воде.

— Сано, разводи костер! Мужики, подтягивайте невод! Как пойдет, тяните без остановки на берег! — кричит Николай, не чувствуя в азартной работе обжигающего холода ветлужской воды.

Большая гора рыбы на берегу трепещет хвостами, шевелится и растет. Рыбы, как никогда, много — здесь и окунь, и лещ, и щука, и извивающиеся черными телами сомы.

Александр натаскал хвороста, запалил костер. Наконец, мужики выволокли невод с оставшейся рыбой. Ото всех идет пар, тяжело дыша, они собираются вокруг костра. Николай с мужиками, работавшими в воде, раздеваются догола. На них набрасывают сухую одежду, мешки, приготовленные для рыбы, и пропускают к самому жару костра. Саня подбрасывает охапку валежника, пламя жарко поднимается вверх. От сохнувшей одежды поднимается пар, пахнувший рыбой и рекой.

— Вот, Сано, и обрыбился ты. Богат нынче улов! Пудов пятьдесят будет,— Николай оглядел ворох рыбы.— Одним разом, конечно, все не увезти. Придется еще две подводы запрягать. На сегодня шабаш мужики. Завтра тоню другим неводом сделаем — побольше. Бог даст, еще возьмем рыбки-то. А там уж по льду будем ловить.

Всю осень и зиму Александр работал в рыбацкой артели. Зимой особенно тяжело дается рыба. На холоде и ветру приходится прорубать лед, собирать рыбу.

На середине Ветлуги прорубали большую прорубь — мойну, в которую опускали невод. Во всю длину невода, поперек реки, в нескольких местах, в виде овала делали небольшие проруби. Шестом протаскивали сеть подо льдом. У берега, там, где по расчету, должны сойтись оба крыла, прорубали другую мойну и здесь вытягивали весь невод.

Александр навсегда запомнился, конечно, тот осенний лов неводом, когда отец, стоя в ледяной воде, выбрасывал сузьгой на берег рыбу. И он всю жизнь восхищался отчаянным поступком отца, который, не раздумывая, бросился в ледяную воду Ветлуги ради общего дела.

«Героев не надо искать на стороне, герои рядом с нами. Может быть, даже наши родные. Так же, как в студеную воду кинулся отец, любой из нас бросится на спасение своих детей, родителей, близких нам людей. Только готовность к этому надо воспитывать в себе повседневной любовью и бережным отношением друг к другу»,— порой думал Александр, вспоминая тот ноябрьский мороз и смелый поступок отца.

Глава 5. Первый тракторист

Ноябрь 1937 года выдался холодным. Уже с пятого ноября ударили настоящие морозы, и даже днем температура не поднималась выше минус восьми градусов. Александр, которому два месяца назад исполнилось восемнадцать лет, уезжал, как и обещал председатель колхоза, на курсы трактористов в село Богородское. Дарья напекла сыну в дорогу кокурок — пресных булочек, сварила десяток яиц, отрезала кусок рыбного пирога. Все это она сложила Александру в дорожную холщевую сумку. Перекрестив Александра, Дарья долго смотрела вслед мужу и сыну, которые шли по замерзшей деревенской улице. Николай решил проводить сына до почтового тракта, и Дарья, глядя на широкие спины родных ей до боли мужчин, думала о том, что по стати сын мало чем отличается от отца. Правда, Николай был немного повыше шедшего рядом с ним сына.

— Ну, Сано, мог ли я когда-то и помыслить, что мой сын будет учиться на тракториста? И что станешь ты первым трактористом в наших Югарах?» — отец по-прежнему, как в детстве, звал его Сано. От этого у Александра что-то защемило в груди, жаль было уезжать из дома. Еще никогда в своей жизни не приходилось ему надолго покидать родительский дом. И хотя в Богородском жила родная тетка, Матрена Киселева, сестра матери, но взгрустнулось ему не на шутку.

Николай понял настроение сына, тепло, по-отечески обнял его за плечи.

— Вот что, сынок, ты уже не малой, а жизнь она не только в Югарах. Повидал я ее в Петрограде, на военной службе в Семеновском полку. Много хороших людей на свете, их и держись. Не спасет Бог тебя и от дурных людей, умей только разли-

чить — кто тебе добра желает, а кто только так, лишь бы что-нибудь получить от тебя. В общем, ступай в жизнь, Сано. А мы будем тебя ждать.

Вскоре подошла колхозная подвода, Александр ловко запрыгнул в нее, помахал отцу рукой. И телега с ним и еще двумя такими же молодыми парнями из деревень Антониха и Пospelиха скрылась за ельником.

Тетка встретила Александра приветливо. Двоюродные братья Михаил и Иван сразу же сказали, что спать он будет с ними на полатах. В первый же вечер повели его на посиделки, но Александр, по скромности своей, весь вечер просидел молча. Старшему Михаилу было двадцать три года, и он только этой осенью вернулся из Красной Армии. Еще не успел нагуляться, поэтому и тянул Александра на вечерки. И хотя младшему Ивану было всего-то двенадцать, но он неотступно повсюду сопровождал старшего брата. И на вечерки ходил вместе с ним.

Через два дня началась учеба на курсах трактористов в МТС. Первое, что бросилось в глаза Александру, когда он входил на территорию станции — большой плакат, вывешенный над крыльцом школы трактористов. В верхней части плаката были изображены крестьянки, жнущие рожь серпами, а под ними волны бескрайнего хлебного поля, по которому шел комбайн с молодым парнем за штурвалом. Обе эти картины разделены красное полотнище, по которому белыми буквами шла броская надпись: «РУКАМИ РАНЬШЕ РОЖЬ ЖАЛИ, ТЕПЕРЬ КОМБАЙНЫ ЗАШАГАЛИ!».

Вновь прибывших на учебу молодых колхозников Варнавинского района встречал директор МТС Павел Егорович Павлов, который был родом из города Чкаловска. Когда начался митинг, из уст в уста передавали крестьянские парни то, что они узнали о своем директоре от работавших на станции трактористов. А был он сверстником и другом знаменитого на всю страну летчика Валерия Чкалова.

Ребята молча слушали немного хрипловатый, но полный оптимизма голос директора.

— Большим достижением для вас, молодых колхозников, является организация в пределах нашего Варнавинского района машинотракторной станции. Вокруг ее организации сейчас развертывается ожесточенная классовая борьба. Единоличники, которые еще остались в деревнях, видят, что МТС ускорит перевод деревни на социалистические рельсы. Они выдумывают всякие небывлицы. Но мы построим МТС наперекор всем врагам. Сейчас наша МТС оснащена двадцатью четырьмя тракторами колесниками, но уже следующей весной мы ждем пополнения, в том числе и гусеничных тракторов. Вы становитесь первыми трактористами в районе. Успехов в труде и в колхозном строительстве ждет от вас товарищ Сталин.

После первых же дней учебы на курсах прикипел Александр всей своей крестьянской душой к трактору. Особенно на практических занятиях по вождению и изучению устройства двигателя. Помыть детали, покопаться в моторе, а позже и самому проехаться на колесном «Фордзоне» — о чем еще мог мечтать деревенский парень. И все ему хотелось быстрее узнать и освоить. И увлекшись новым делом, он все свое природное упрямство направил на желание выучить то, что не довелось узнать за школьной партой. Страсть к изучению и овладению трактором поглотила все помыслы и чувства Александра. Ни о каких вечерках и посиделках не было и мысли. И как не подбивал его Михаил по вечерам идти на деревенские гулянки, Александр всегда отнекивался, объясняя это своей усталостью на занятиях. А сам читал книги, которые выдавали на курсах.

— Трактор «Фордзон» самый распространенный в мире», — курсанты внимательно слушают преподавателя в учебном классе, — «поэтому и был он выбран в качестве прототипа нашего «Путиловца». Выпускается он на крупнейшем машиностроительном предприятии «Красный Путиловец» города Ленинграда. Задние колеса трактора — ведущие, а передние — направляющие. Поэтому задние колеса намного

больше и мощнее передних. Основное назначение трактора — работа с плугом и другими сельскохозяйственными прицепами.

А зима 1938 года на ветлужскую землю пришла с обильными снегами и трескучими и морозами. Дорога по селу проходила между высоких сугробов, как по снежному коридору. Но и они начали дружно таять с приходом весеннего тепла. Время учебы пролетело незаметно. Пришла пора практических занятий в поле. Вот здесь-то и узнал Александр вместе с остальными деревенскими парнями, что такое настоящая работа тракториста. Несладко пришлось молодым колхозникам при практическом освоении тогда еще несовершенной техники. А техника эта казалась тяжелой даже для них, рано познавших крестьянский труд. Здесь и пригодились природная сметливость и мужицкая хитрость Александра. Они-то и научили его упреждать поломки, которые частенько случались на тракторе. Чуть остановка — он сразу с тряпкой и ключом к мотору: протереть, подвинтить, закрепить, смазать.

И вот начались занятия в поле. В начале апреля учились курсанты МТС на полях Богородского колхоза пахать и боронить. Однажды, далеко от села, у Александра в поле поломался трактор. Он внимательно осмотрел двигатель, коробку передач, задний мост и понял, что здесь ему с поломкой не справиться. Сняв деталь, в мешке через вспаханное поле потащил ее в МТС. Ну, а потом обратно, по этому же полю за многие километры.

Незадолго до окончания курсов, кроме «Путиловца», пришлось курсантам осваивать еще один тип колесного трактора — СХТЗ-15/30. В начале тридцатых годов вступили в строй Сталинградский и Харьковский тракторостроительные заводы, которые и выпускали для подъема механизации сельского хозяйства трактор с этой маркой. Несколько штук поступили в МТС. Работать на нем было нисколько не легче, чем на «Путиловце». Заводился он вручную, причем очень долго. Трактористы, острые на язык, тут же придумали новую расшифровку аббревиатуры ХТЗ — «хрен трактор заведешь».

Учеба на курсах трактористов подошла к завершению. Александр вместе с другими курсантами сдал экзамен по материальной части тракторов «Путиловец» и СХТЗ-15/30, по агротехнике вспашки, посева, уборки. Впереди остались практические экзамены по качеству вспашки и боронования.

Апрель почти на исходе. Весна. Настоящая, теплая. Днем воздух прогревается до двадцати градусов тепла. Деревня в это время года преображается. На березах, стоявших всю зиму белыми истуканами вдоль деревенской дороги, появились первые листочки. И как будто зеленой кисеей, украшенной бахромой сережек, оделись они, встречая погожие солнечные деньки. В палисадниках — цветение, благоухание.

Нарушая деревенскую тишину металлическим грохотом и стуком, проехали четыре трактора улицей села Богородского, и остановились на краю неспаханного поля. Сегодня предстоял, пожалуй, самый ответственный экзамен для ребят из Горкинского сельсовета. А все потому, что в Богородское приехал Петр Федорович Кузнецов, который работал в Варнавинской МТС со дня основания. А теперь он был назначен руководить тракторной бригадой на территории Горкинского сельсовета, а значит и нынешние выпускники богородских курсов уже входили в ее состав.

— Ну, давай, Александр Лебедев, покажи, чему ты научился за полгода учебы. А то родители ждут — не дождутся первого тракториста в Югарах,— почему-то к нему первому обратился Кузнецов.— Не тушуйся, Саша, почувствуй себя настоящим трактористом, учеба закончилась. Оправдай доверие колхозников «Красной звезды», которые послали тебя на тракториста учиться. И ждут на весеннюю пахоту.

Александр уверенно подошел к трактору, с молодецкой удалью рванул за ручку стартера, и мотор, на удивление, затарахтел без перебоев, с четким равномерным стуком. Прицепив к трактору двухкорпусной плуг, он сел за штурвал, выжал сцепле-

ние и начал пахоту. За месяц практических занятий, которые проводились под присмотром инструктора или самостоятельно, Александр успел освоить и понять характер «железного коня». Так что теперь юноша делал уверенно то, чему его научили на курсах. Заканчивая пропашку второй полосы, он увидел, что Кузнецов, сняв фуражку, махнул ему рукой. Александр остановил трактор, но мотор не заглушил, и, прыгнув на землю, подбежал к бригадиру.

«Уверенно, молодец. Пойдем теперь замеры сделаем».

Взяв линейку, Петр Федорович в нескольких местах проверил глубину вспашки. Удовлетворенно подмигнул молодому трактористу. Протянул руку и крепко пожал ладонь Александра.

— Собирайся, Саша, в Югары. Заждались тебя там колхозные поля. Пора пахать. А то мужики лошадей совсем заморят. Вот где тебя ждет настоящее дело. Скажу прямо — придется туго. Трактор, хоть и железный механизм, но поноровистей любого коня будет. Думаю, ты понял за полгода учебы, что собой представляет колесный трактор. Но ты, Александр, парень крепкий, здоровья тоже не занимать. И я уверен — справишься.

В Горки они приехали на двух «Путиловцах» и одном «Фордзоне» еще засветло. Когда выезжали из Богородского, Александру достался «Фордзон», который он думал оставить на центральной усадьбе колхоза, но Кузнецов рассудил по-своему.

— Александр, поедешь домой на тракторе. Все равно пахать поле под лен около Коровихи. Завтра привезу горючее, ты и начнешь. Да и родители пусть сегодня за тебя порадуются — вернешься в деревню трактористом! — Кузнецов дружески хлопал Александра по плечу.

Со стороны деревни Поляки в Югары въезжала грохочущая, дымящая трубой машина, из-под колес которой отлетали комки грунтовой дороги. Навстречу ей по улице деревни бежала толпа мужиков и баб. Они что-то кричали, некоторые при виде трактора, останавливались и осеяли себя крестным знаменем. Мальчишки, те, что посмелее и полюбопытнее, пытались на ходу запрыгнуть на трактор. К трактору была прицеплена двухрядная сеялка и закрепленная в нерабочем положении борона. Когда Александр на тракторе въехал на деревенскую улицу Югаров, вдоль нее, встречая трактор, стоял народ. Каждому хотелось посмотреть на невиданную машину. Прибытие трактора для колхозников стало важным событием большой радостью.

Около родительского дома Александр остановил и заглушил трактор. Из ворот вышел отец, за ним мать с младшими детьми Валюхой и Мишкой. Александр, устав от грохота трактора в долгой дороге, сидел, положив руки на штурвал, и с радостным чувством от возвращения домой смотрел на родных. После полугода разлуки на него нахлынуло щемящее чувство любви к этим, самым близким и родным для него людям. Он увидел, что отец и мать уже немолоды, и не только от прожитых на свете почти шести десятков лет, а скорее от тяжелого крестьянского труда, на их лицах время нарисовало глубокие морщины. Мать стояла, опустив руки, крепкие, сильные руки женщины-крестьянки с узловатыми венами. Александр подумал, сколько она пережила: и голод, и две войны, и долгие два года ожидания мужа, и все время работала, работала. Совестьливо и честно, и так же воспитывала детей. В отце, несмотря на возраст, чувствовалось жизнелюбие. Он немного иронично улыбался сыну.

— А что, Сано, правду говорят мужики, что хлеб будет пахнуть керосином, ежели его посеять на земле, вспаханной трактором? — спросил он с мужицкой усмешкой. Но Александр почувствовал, что за этим сарказмом отец хочет спрятать свою гордость за сына. Пусть, мол, не очень задается оттого, что стал первым трактористом в Югарах.

На следующее утро приехал Кузнецов, привез на лошади горючее для трактора. Выехали на поле, прицепили плуг. Для Александра началась первая самостоятельная пахота.

С давних пор время весенней пахоты для русских земледельцев было временем одной из тяжелейших, обременительных работ. Пахали на лошадях, идя за плугом. И вот на смену лошадиной тяге пришли трактора. И, когда Александр начал сегодняшнюю пашню, на краю поля собралось почти полдеревни. Народ смотрел на работу трактора с большим интересом. Многим эта стальная машина была в диковинку. Крестьяне увидели, как легко трактор может пахать и по холмам, и в округе. Они убедились, какая это полезная, чудотворная и мощная машина.

Александр работал с наслаждением. Он чувствовал каждое движение трактора. Оглянувшись назад, удовлетворенно про себя отметил, что пласт земли, вывернутый плугом, получается ровным и блестящим. Хорошая пашня.

Вспомнился вчерашний разговор с отцом, когда в избе стало сумеречно и пришлось зажечь лампу. Дети давно спали, а мать что-то стряпала и возилась около печи.

— Раньше-то помню, еще парнишкой когда был, отец на запашку приглашал священника отслужить молебен о поле. А самую-то раннюю запашку, в Степанов день начинали, двадцать шестого апреля,— начал свой рассказ о былом Николай,— А до этого ходили крестным ходом с иконами от храма в Горках до поля. Потом и на за-сев, уже в день Еремея запрягальника, священник первый бросал зерно при посеве, да зерно-то кропил водой из водосвятной чаши. Брели икону Николая Чудотворца и в его день ходили по полям. Это уже по засеянным полям, девятого мая. Всякое дело начиналось с молитвы. С этого же начиналась и пашня. А сыновья-то, отправляющиеся на пашню, кланялись родителям и просили благословения. Самый последним был сев льна в день Олены леносевки двадцать первого мая. Это сейчас все перепутали уполномоченные, не хотят старых правил крестьянских принимать. Все теперь по-новому. Вот и ты завтра, сказывают, под лен начинаешь пахоту, а это рановато. Ну, им видней, нынешним-то земледельцам.

Отец тяжело вздохнул, посмотрел на икону Святителя Николая.

— Все порушили: и веру, и церкви. В Горках нету храма-то, взорвали его. Растащили по кирпичику на нужды свои. Никто Бога не боится. Ну, ладно, Сано, давай ложись, а то намаялся сегодня, а уж завтра — в поле. Успехов тебе, сынок, в нашей нелегкой крестьянской доле.

Через неделю Александр заканчивал пахоту. Остановив трактор около березового островка среди поля, он посмотрел вокруг. Черная бесконечная пахота, а над нею висело яркое голубое небо. «Какая красота, Господи!» — вздохнул он полной грудью. Сквозь редкий березняк пахота чернела землей, отваленной его плугом. Александр заглушил трактор, по вспаханной земле прошел на этот островок из больших и маленьких берез, оставшийся нетронутым среди поля. Сел на теплую землю, привалился спиной к белоствольной березе и посмотрел в голубое прохладное весеннее небо. На душе было светло и свежо. Работа закончена. Завершена первая самостоятельная пахота. И радостное чувство охватило его, оттого что он это сделал — впервые в жизни самостоятельно вспахал огромное поле. Мог ли он, деревенский парень, думать еще два или три года назад о том, что будет работать на тракторе и станет первым трактористом в Югарах? Вдыхая апрельский воздух, приносимый с черных полей, Александр слушал вороний гай с верхушек берез, с наслаждением шурился от солнца. Оно светило во всю мочь, согревало землю и благословляло труд человека, занятого самым нужным и благородным делом на земле — выращиванием хлеба.

Александр отдохнул, посидел еще немного, вслушиваясь, как высоко в небе, невидимые глазу, трепещут и звенят жаворонки. Поднялся с теплой земли, завел трактор и поехал по грязной полевой дороге в деревню. Улыбка озаряла радость молодое, красивое лицо первого тракториста в деревне Югары, что притулилась в ветлужских лесах, у самого тракта между старинными уездными городами: Варнавином, Ветлугой и Макарием на Унже.

Олег Яковлев
(г. Орск Оренбургской обл.)

АВТОНОМНОЕ ПЛАВАНИЕ
(Повесть*)

Глава 5

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

28 сентября. Северная Атлантика.

Вторую линию ПЛО проскочили благополучно. Она не так напичкана противолодочными средствами, как первая. Вместе с подводными течениями проплывают обычные, размеренные будни. Стоим на вахтах, обедаем, чаевничаем. Проводим занятия по специальности. По вечерам свободные от вахты смотрят в кают-компаниях фильмы.

На лодке тишина, если не считать вгоняющего в сон гуда приборов. Мы сейчас в нейтральных водах где-то у берегов Северной Америки. В наших шахтах наготове ракеты с ядерными боеголовками. В каждой заранее заложена программа, определена цель. Практически, им доступна любая точка земного шара. Мы — острооточенный меч в ножнах прочного корпуса лодки.

Час назад подвсплывали на сеанс радиосвязи. Кроме обычной служебной информации, мы получаем последние новости с материка. Американцы, как всегда, кричат о советской ядерной угрозе. Мы тоже в долгу не остаемся. Их подлодки так же патрулируют вдоль наших берегов. И у них у нас руки на красных стартовых кнопках. В пространстве витает напряженность. Особенно остро она ощущается здесь, в океане. (Холодная война, будь она неладна!)

29 сентября. 4 часа утра.

Только что сменился с вахты. Сегодня на посту видел «чудо». Раньше я только слышать мог о подобных явлениях. Вроде сна наяву... Рули, по обыкновению, на автопилоте. Есть возможность поразмышлять некоторое время. Смотрю в угол центрального поста. Вижу, стоит Надя. Моя первая девочка, первая юношеская любовь. Познакомились мы, когда мне минуло пятнадцать лет. Когда мне исполнилось девятнадцать, проводила она меня на флот и ждала четыре года. А когда до демобилизации осталось два месяца, вышла замуж! Не злая ли воля судьбы? А ведь как любили друг друга. Так можно любить только в юности, в первый раз.

— Так вот, гляжу я в угол ЦП и, вдруг, увидел ее. До того ясно и отчетливо было это видение, что от неожиданности опешил. Она стояла в голубой блузочке, черной расклешенной юбке, и смотрела прямо на меня. Во всей ее фигуре было стремление шагнуть ко мне. Даже улыбалась она как-то напряженно, но не могла сделать ни шага. Тряхнул головой, видение не исчезло. Я даже привстал в своем кресле. Фантом

---

* Окончание; начало в «ПЗ» № 2, 2013.

моей Нади слегка покачнулся. Зыбко, словно туман. Я отвел глаза, осмотрел приборы на пульте, когда снова посмотрел в угол — Нади уже не было. Вот и не верь после этого в астральный мир... А может, это хрономираж? Видение из прошлого? Иначе человек не может в полном бодрствовании и здравом уме увидеть такое... Да, такое запоминается на всю жизнь! Тем более видение явилось ко мне еще раз и даже спасло мне жизнь. Но об этом позже...

30 сентября. Атлантика.

И все-таки случилось то, чего я всегда боялся. Заклинило большие горизонтальные рули.

Корабельные часы показывали 12 часов 10 минут. Я только что пообедал, быстро посетил курилку и заступил на вахту. Мои четыре часа обещали быть спокойными. Никто никаких тревог не ждал. Но разве можно быть застрахованными от неожиданностей... Тем более здесь, в мрачных океанских глубинах. Дежурного офицера сменил капитан второго ранга Вишняков. Моряк довольно молодой для такого высокого звания. Но что поделаешь, на атомоходах офицеры растут быстро — ответственная должность и сложность техники... Хотя, чисто мореходного опыта им порой не хватает.

Мои рули в режиме автомата. Глубина обычная, рабочая, скорость порядочная... В ЦП тихо, никто не разговаривает. Люди молча переваривают обед и делают свое дело. Мерно пощелкивает эхолот. Как всегда тянет подремать. Указатели перекладки рулей слегка покачиваются. В раздумьях я не заметил, как начал сползать со своего кресла. Бросил взгляд на приборы и обомлел. Указатель больших горизонтальных рулей стоял на погружении, и лодка быстро набирала глубину.

— Заклинило большие горизонтальные рули! — закричал я.

Вся вахта центрального поста сгрудилась за моей спиной.

— Аварийная тревога! Заклинка рулей! — пронеслось по отсекам. Прерывисто заголосили звонки громкого боя. Лодку все круче заваливало на нос. С холодной испариной на лбу перекалдываю все остальные рули на всплытие. Вбежал КЭП:

— Обе турбины полный назад!

Пока сработал реверс на турбинах, лодка провалилась на критические глубины. Защелкали динамики:

— Центральный, в десятом текут сальники клапанов!

Те же тревожные доклады из других отсеков. Командир уселся рядом со мной в кресло вертикальщика:— Что случилось, боцман?

В растерянности развожу руками и объясняю суть дела...

— Старшине первой статьи Проворникову срочно явиться в центральный пост! — Это стармех по громкой связи вызвал мне подмогу.

— Продуть среднюю группу!

Воздух высокого давления заревел в балластных цистернах, выдавливая из них воду. Отчетливо слышится потрескивание корпуса субмарины. Чувствую, как по спине стекают струйки пота. Еще он заливает глаза. Тихий такой, противный липкий страх выдавливает из меня последние капли влаги. Лицо командира смертельно бледное, но, на удивление, совершенно спокойное. Мне бы такую выдержку! Наконец, лодка остановила падение, и стрелка глубиномера повисла на цифре, о которой даже подумать жутко. Держась за все возможные выступы, бегу через весь корабль в десятый. Лодка висит, высоко задрав корму. В отсеках сорвалось с места и улетело к носу все, что было не закреплено. Люди, естественно, тоже. Первое, что необходимо осмотреть, это насосы переменной производительности...

Кое-как добираюсь до десятого. Так и есть! Раскрутился и вывалился болт на тяге перекладки руля. Запрашиваю центральный на временную остановку насоса. Ка-

кой-то салага не поставил контргайку. Или Рязанов, или Киселев... Потом разберусь. Все, слава Богу, что неисправность небольшая и не пришлось долго ее искать. Включил насос. Рули ожили, и лодка немедленно выровнялась!

По отсекам прошелестел вздох облегчения. Зашелкали динамики:

— Отбой аварийной тревоги! Осмотреться в отсеках!

Глава 6

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

15 октября. 13.00. Атлантика.

У нас на траверзе Южная Америка. Вода за бортом как парное молоко. Это, конечно, если сравнить с водами Ледовитого океана.

Моряки устроили себе своеобразный бассейн. Выбрали самый большой и просторный трюм. Натянули огромный, водонепроницаемый брезент так, чтобы образовалась большая, глубокая чаша. Наполнили ее забортной водой и купаемся. Наш бассейн пять метров в длину и три в ширину. Можно даже немного поплавать. Приятно и, главное, полезно для здоровья! Мы даже загораем в походах. В кают-компании наш корабельный доктор устанавливает кварцевую лампу, и мы в защитных очках, дозированных порциями получаем недостающий нам кусочек солнца. Так что, к концу похода мы все немножко загорелые. Молодой штурман лейтенант Забурин шутит:

— Вернусь домой, жена не поверит, что в автономке был, скажет: — Признавайся, где пропал, подлец?

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

20 октября. 23.00.

На траверзе Гибралтарский пролив. Здесь вход в Средиземное море. Когда-то давно, еще на срочной службе, мне пришлось побывать в этих местах. На «дизелях» я тогда служил. Ходил в средиземку для усиления нашей тамошней эскадры. Полгода любовались тогда тропическим побережьем чужих стран, изумительным цветом воды Адриатического моря и другими чудесами. Для нас, северян, все это было ново и страшно интересно! Сейчас бы туда!.. Всплыть и окунуться в чудесный, теплый мир средиземноморья. Но всплытие для нас, в любом случае, исключено! И чем дальше мы уходим на юг, тем сильнее тоска по твердой земле под ногами. Пока что время для нас летит быстро и незаметно. Оно тянуться будет потом, когда останутся последние десять дней до всплытия. Потом будет томительное ожидание, праздник последних часов под водой, кульминационный момент похода — всплытие! Оно произойдет в той же самой точке, где мы когда-то погрузились. А пока... Пока утомляющее однообразие, порой тоска. Встряхивают учебные боевые и аварийные тревоги. И времени для безмятежного отдыха не так уж и много. Читать книги надоедает. Смотрим фильмы. Некоторые по нескольку раз. «Белое солнце пустыни» побил все рекорды. Восемнадцать раз за автономку посмотрели! А сегодня решили поразвлечься — прокрутили фильм задом наперед. Вот смеху-то было!

26 октября. 2 часа ночи.

Акустики услышали шум винтов нескольких кораблей. Объявлен режим тишины. Лодка опустилась на предельную глубину. Оказалось, что это американский авианосец в сопровождении чуть ли не эскадры боевых кораблей. Армада медленно двигалась с юга на север. Мы замедлили ход до минимального. Разбудили командира. КЭП втиснулся в рубку акустиков и пребывал там, пока опасность быть обнаруженными

не миновала. Сладко позевывая, он обошел центральный пост и удалился досматривать свои земные сны. Дали средний вперед, и лодка помчалась дальше, к Индийскому океану!

Вспомнил жену с сыном. Как она там? Интересно, беспокоится ли за меня Александра? Думаю, что нет. А что, деньги имеются, сына есть кому поручить. Гуляй — не хочу!

Что-то нехорошее зашевелилось на сердце, «заскребли кошки». Мрачные мысли полезли в голову... Говорить о них не хочется. Они промелькнули и исчезли. Это я их сам прогнал! Да какое я имею право думать нехорошо о женщине, о жене? Черт побери, чего только не взбредет в голову с тоски!

Разболелась голова. После вечернего чая сижу в своей каюте и думаю. Обо всем понемногу. До моей вахты два с половиной часа. В ноль-ноль мне заступать. Лег, уставившись в потолок.

— Нет, наверное, отслужу свой контракт и на ДМБ, домой! Хватит! А, с другой стороны, что на гражданке делать? Здесь хоть зарплата приличная... Не заметил, как провалился в вязкую массу полусна-полубодствования. И вдруг, словно разрядом электричества:

— Сереженька...

Открываю глаза. В каюте около двери стоит моя Надя. Да, да, опять она! Наваждение? Может быть! Но приятное, черт побери!

Так вот стоит она, безвольно опустив руки, и печально улыбается. Я понимаю, что не могу встать и подойти — она тут же исчезнет. Затаив дыхание, боясь пошевелиться, смотрю на нежный девичий образ. Готов поклясться, губы у нее не шевелились, но в моей голове явственно прозвучал ее голос:

— Мальчик мой... Мальчик мой,— эхом пронизало все мое существо. Глаза наполнились невольными слезами, и вот уже соленые капельки текут по щекам, обжигают так, что даже сердцу горячо стало. Фигурка девушки качнулась неверной дымкой и стала пропадать:

— Береги себя, милый,— коснулось моего мозга теплой волной, и мираж исчез. Лежу ошарашенный и плачу как мальчишка. Боже ж ты мой, что же это такое? Все ли со мной в порядке, не спятил ли я? Происходит ли с другими подобное? Только намного позже я узнал, что иногда и с другими это происходит. Но тогда я ничего не понимал. Надя ведь любила меня! Даже когда замуж вышла! Так получилось, что ее вынудили это сделать. Проходили годы, но мы так и не смогли забыть друг друга. Она была моей первой девочкой и, ах, Боже мой, как прекрасно было это время!

В центральный пост я шел слегка одурманенный пережитым явлением.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

28 октября. Южная Атлантика.

Сегодня пересекли экватор, устроили праздник Нептуна! Наш ракетчик Петя Павлов, мой одноклассник, нарядился царем морей и океанов. Набедренная повязка, корона, борода, трезубец были заранее изготовлены, и Нептун получился хоть куда! Свое шествие он начал с первого отсека. Его сопровождала шумная, измазанная сажей, хвостатая компания «водяных чертей». В отсеках гремели взрывы смеха. Вид переодетых для праздника матросов был настолько живописен и забавен, что даже никогда не улыбающийся капитан 1 ранга Вязов прыснул со смеху, когда процессия ввалилась в центральный пост. «Черты» кривлялись и прыгали вокруг своего повелителя, который громкогласно поздравил всех присутствующих с приходом в его владения. Потом вручил КЭПу огромную памятную медаль со своим изображением и бутылку шампанского. Деловито осведомился, есть ли на сем корабле провинившиеся,

не соблюдающие морских законов и впервые вышедшие в море? Вопрос был задан Вязову. Тот серьезным тоном назвал количество молодых матросов и попросил не казнить их, а миловать, так как моряки они старательные и делают все, чтобы не опозорить флот! Нептун выслушал и приказал:

— Посему повелеваю — всем салагам явиться на крещение к корабельному бассейну!

— Есть! — старпом шутливо козырнул царю и шелкнул тумблером «каштана»:

— Молодым матросам, свободным от вахты, явиться к бассейну,— разнеслось по кораблю.

В трюме уже собрались моряки и, обступив бассейн, с интересом ожидали начала представления. Впервые вышедших в море на лодке было четверо. Двое из них мои подчиненные — Киселев и Рязанов.

Нептун грозно обвел взглядом собравшихся:

— Все ли в порядке на этом корабле, чисто ли, сытно ли?

— Все у нас в порядке, ваше величество! Чисто и сытно!

— Добро пожаловать в мои владения, матросы! Обещаю вам мое покровительство и благоволение! — Нептун сделал шаг вперед, пристукнул трезубцем.— Есть ли среди вас отроки, посетившие мои владения в первый раз?

— Есть,— заговорили со всех сторон и вперед вытолкнули четырех «счастливицков».

Салаги смущенно улыбались и с опаской поглядывали на устремившихся к ним «чертей».

«Черти» с кривляниями и воплями схватили молодых матросов и подвели к Нептуну. Один из «чертей» деловито откручивал с переборки здоровенный плафон.

— Готовы ли вы принять морское крещение, дети мои? — спросил царь, грозно оглядывая именинников.

Те вытянулись по стойке «смирно»:

— Готовы, ваше величество!

Один из «чертей» протянул Нептуну плафон, заполненный забортной водой.

— Дабы укрепился ты телом и духом и стал истинным сыном моря, испей сей кубок!

Матрос взял плафон обеими руками и нерешительно огляделся.

— Пей, пей,— разом заговорили кругом,— если не хочешь остаться салагой до конца службы.

Первым оказался мой Киселев. Он понюхал воду и посмотрел на меня. Я ж стоял с самым серьезным видом и кивнул утвердительно.

Когда-то мне тоже пришлось принимать подобное крещение. Только не на экваторе, а в Баренцовом море, при первом погружении. Здесь же решили дойти до нулевого меридиана.

Киселев прильнул губами и, зажмурившись, стал пить. Было видно, как судорожно дергается его кадык. Тут, главное, чтоб не стошнило, иначе крещение будет считаться недействительным и процедуру придется повторить снова. Но мой парень оказался молодцом! Выпил-таки все до капли! «Черти» подскочили к моряку с воплями восторга, подняв его за руки и за ноги в воздух, раскачали и бросили, как есть, в одежду, в бассейн!

— Да будет так! — провозгласил Нептун, и все весело захлопали в ладоши. Ту же процедуру повторили с остальными. Царь поздравил посвященных со званием истинного моряка и в сопровождении свиты удалялся. Все направились в столовую, где уже ожидал праздничный обед! На каждом столе стояли бутылки с сухим вином, красовались в глубоких тарелках румяные яблоки, и в центре высились живописные торты, на которые наш кок, мичман Самохин Коля, был мастак!

Глава 7

Давно миновали экватор, и лодка продолжала свое патрулирование. Справа по траверзу Бермудские острова. Знаменитое местечко!

Сколько кораблей и самолетов сгинуло здесь бесследно... Океанское дно в этих местах, наверное, усеяно обломками цивилизаций. А, может быть, все это досужие домыслы? Никто толком не знает! Вот мы идем, и все у нас нормально. Приборы не зашкаливают, аппетит у всех отменный! Никто не болеет и с ума не сходит. Ну, хоть что-нибудь для разнообразия произошло бы... Не смертельное, конечно. А то, типун мне на язык.

А встряска какая-то нужна. Все надоедает — вахты, обеды, занятия, тренировки. Все всем обрыдло. А друг другу надоели — ужас! Одни и те же лица мелькают изо дня в день. Глаза бы не смотрели! Кое-кто начинает психовать, срываться по пустякам. Понимаю, что это издержки подводного быта. И давно бы пора привыкнуть, сколько уже автономок пройдено! Но нет, привыкнуть к этому невозможно. Синдром замкнутого пространства захватывает весь экипаж. На что наш КЭП человек выдержанный и спокойный, и тот время от времени становится нетерпимым, и тогда на глаза ему лучше не попадаться. Начинает строжничать, придирается ко всяким мелочам, недовольно ворчать.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

10 ноября. Район Бермудских островов.

Наступила ночь, и мне, как обычно, с нуля часов заступать. После вечернего чая лег вздремнуть перед ночным бдением. Немного почитал, пока не почувствовал, что глаза слипаются. Проснулся словно от толчка в плечо. У двери стояла Надя и тянула ко мне руки. Я улыбнулся уже привычному миражу и посмотрел на часы. Было половина двенадцатого. Несколько минут мог бы еще поспать. Надя тянула руки и звала за собой. Ее голос звучал в голове умоляюще настойчиво:

— Мальчик мой, вставай же, иди на вахту,— девушка сделала приглашающий жест рукой. Один раз, другой... Но каким зыбким и неверным было на этот раз видение. Словно дрожь пробежала по нему. Потом вся нижняя часть тела исчезла. Осталась голова и протянутые в мольбе руки. От моего сна не осталось и следа. Я встал и шагнул к двери. Видение тут же исчезло! Как в тумане подошел к умывальнику и плеснул в лицо порцию холодной воды. Голова прояснилась, я неторопливо оделся и вышел. Сменю Рязанова пораньше. Со мной ничего не случится, а молодому моряку лишние минуты отдыха за праздник!

Конечно, Рязанов удивился моему раннему приходу:

— Что, товарищ мичман, не спится?

— Иди, иди, отдыхай!

Довольный Рязанов сдал пост, мы доложили, как положено, о смене вахтенному офицеру, и матрос выбежал из центрального поста. Сейчас покурит и спать! И тут:

— Центральный пост, пожар в девятом отсеке,— загремели динамики.

— Аварийная тревога! — тут же среагировал центральный.

Звонки громкого боя всполошили весь корабль! У меня внутри все похолодело. Я ж только что ушел оттуда... Жилой отсек! Там же народа полно! Боже ж мой, что там могло загореться?

— Центральный! — голос вахтенного из девятого снова прорвался в ЦП,— горят химические фильтры! Дым... Я ничего не вижу.

Сквозь треск и шум в динамике прослушивались встревоженные голоса моряков.

Командир, старпом, замполит и особист появились в ЦП почти одновременно. Вслед за ними вбежал старший механик. Командир склонился над переговорным устройством:

— Девятый, всем надеть изолирующие дыхательные аппараты, приступить к тушению пожара. Отсек никому не покидать. Это приказ! Вы меня поняли?

В ответ динамик что-то то ли пробурчал, то ли пробулькал...

— Старпом, выставить часовых у выходов из аварийного отсека! Никого не впускать и не выпускать. Боцман, всплывать на перископную глубину!

Перекалдываю рули на всплытие. Лодка медленно поползла вверх.

— Черт побери, а ведь, действительно, девятый открывать нельзя,— подумал я, напряженно следя за приборами,— соседние отсеки мгновенно заполнятся дымом. Еще больше людей пострадает.

— Девятый! — кричит КЭП, сколько у вас людей? Доложите обстановку!

— Центральный,— голос вахтенного был приглушен, моряк кричал через маску аппарата,— в отсеке двадцать четыре человека. Пытаемся тушить пожар, есть опасность возгорания регенеративного вещества. Сильный дым, ничего не видно...

— Иванов, ты молодец! — голос командира был спокоен, но видно, как побледнело и вмиг осунулось его лицо,— главное, без паники,— продолжал КЭП,— поставьте систему подключить систему ВПЛ. У вас полные баллоны смеси! Ты меня слышишь, Иванов? Будь на связи, докладывай обо всем, что у вас делается.

— Понял, слышу, товарищ командир!

Вахтенный в девятом на время замолчал. Динамик доносит грохот падающих предметов, крики людей.

— Центральный! Десять человек лежат в каютах... Задохнулись, не успели надеть аппараты...

В ЦП на миг повисла напряженная, гнетущая тишина. Командир посмотрел на часы. Дыхательной смеси у них в баллонах на два часа. Еще час люди продержатся, а потом?

Лодку сильно закачало. Всплыли под перископ. На поверхности шторм баллов шесть или семь. КЭП вызвал радиста и набросал на бланке текст радиограммы:

— К шифровальщикам и в эфир!

Радист убежал. Через две-три минуты о ЧП на лодке будут знать в Москве, в генштабе.

В аварийном отсеке люди дрались за жизнь. Иванов доложил еще о пяти погибших. Там вспыхнуло сильное пламя. Регенерация, все же, загорелась. Доступ к очагу пожара недоступен из-за сильного жара. Резиновые маски аппаратов нагревались и жгли кожу моряков.

— Центральный! — докладывает восьмой! В девятом стучат в люк, просят выпустить. Им дышать нечем. Переборка накалилась, на ней пузырит краска... — Голос часового из восьмого перешел на крик:— Товарищ командир, там у них настоящий ад! Что же делать?

Я знаю, что там, у люков в восьмом и десятом часовые с автоматами и заклинены кремальеры. Позже я узнал, что ребята плакали как дети, от своего бессилья что-то сделать, помочь своим друзьям.

Вижу, как побелели виски командира. Он сидел на глазах. Будто кто невидимый мазал его серебряной краской.

— Восьмой, десятый! Говорит командир корабля! Ребята, хлопцы, потерпите. Открывать люки нельзя! Иначе и в ваших отсеках то же самое будет! Через динамики доносятся отчаянные удары металла о металл. Погибающие моряки стучат чем-то металлическим в закрытые намертво люки.

Изменили курс, началась килевая качка. Держать лодку на перископе стало намного труднее. Головка перископа то ныряет в воду, то показывается на поверхности.

— Боцман, твою мать, держать глубину точнее... — Это старпом. Он прикинул глазами к окулярам и обзревает горизонт.

От напряжения у меня разболелась голова. Боль толчками бьет в виски, в глаза. По телу струйками стекает пот. В обычной обстановке держать корабль на перископе не составляет большого труда. Сейчас же всеобщее напряжение усложняет любую работу.

Вбежал мичман Селезнев, радист. С растерянным видом протянул КЭПу радиogramму. Это пришел ответ из штаба флота. Командир обвел взглядом ЦП и прочитал вслух:

«Патрулирование продолжать! Бороться за живучесть корабля. В 6.00 доложить обстановку».

Все застыли с каменными, серыми лицами. Если и была у людей надежда на всплытие и спасение, то теперь эту надежду у экипажа отняли. Лодка на боевой службе. Экипаж, естественно, на военном положении. Скрытность, черт бы ее побрал...

— Девятый! Иванов, что у вас? — закричал командир в микрофон.

— Центральный! Иванов погиб, расплавилась маска... Докладывает старшина первой статьи Сохнин! Пять человек еще держатся, остальные... Товарищ командир, остальные погибли... — говоривший крепко выругался. — Потушить пожар... — голос осекся и умолк. В динамике что-то громко щелкнуло, и воцарилась тишина. Проводка «каштана» или порвалась, или сгорела.

Мозг ожгло словно молнией:

— Боже мой, там же мои Киселев и Проворников... Голова похолодела, кровь отхлынула от лица. Хорошо, Рязанов не успел добраться до своей каюты. Начало пожара застало его в курилке. Вдвоем мы с ним остались из боцманской команды. Вдвоем!

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

11 ноября. Юг Атлантики.

Легли на обратный курс. Путь теперь лежит в сторону дома, к северным морям. Но никого уже не радует возвращение. Тоска, подавленность и отрешенность сдавили подлодку жестче океанских глубин. Погибло двадцать четыре парня. На этот раз огненная стихия оказалась сильнее. Когда стало ясно, что в живых там никого не осталось, командир дал приказ — отсек затопить! Это было последним ударом, последней точкой в трагедии.

Что это? Бермуды? Удар судьбы, предназначенный нам свыше, или нелепая случайность? Девятый был затоплен почти полностью. Отяжелевшая лодка едва держала глубину. Но воду из отсека почти сразу откачали за борт. Можно было входить в отсек. Но рука не поднимается описывать картину, которая предстала нашим глазам. Это не для слабонервных. А те, у кого нервы крепче, отворачивались, потрясенные.

Впереди нас ожидал переход к родным берегам длиною почти в месяц!

Глава 8

Лязгнув буферами, поезд «Москва-Орск» отошел от Казанского вокзала. Ох, уж эти пересадки... Двенадцать часов кряду на ногах! Ни отдохнуть, ни даже присесть. Ноги гудят! Все тело словно ватное. Да и голод дает о себе знать. На вокзале перехватил пару раз всухомятку... Что это для мужика.

С нетерпением дождался отправки поезда, и вот теперь еду в свой очередной отпуск. Позади автономка, дом отдыха и теперь... домой! Впереди два месяца свободного времени!

Поезд постепенно набирает ход. Сижу в купе, дожидаясь, когда откроют вагон-ресторан. Привожу в порядок свои записи, черновики и... вспоминаю. Хотя, стараюсь

не возвращаться памятью назад. Увожу себя от некоторых назойливых дум. Лучше подумать о доме, о семье — ждут ли? О родителях!

И еще о Наде! Давненько мы не виделись... Ах, Надя, Наденька, ведаешь ли, что приходила ко мне туда, в прочный корпус субмарины? Ты ведь спасла мне жизнь, моя первая девочка. Смогу ли я тебе, когда-нибудь, рассказать об этом? Да ты просто не поверишь. Посмеешься и скажешь, что это плод моего больного воображения. Ну и что! Может быть, и так. Хоть что-то доброе и светлое должно быть в жизни у человека? Пусть даже это мираж. Какая разница? Лишь бы потеплело на душе, задело сердце мягким крылышком, обожгло горячей слезой, коснулось сознания светлой печалью ушедшей юности.

Иначе невозможно жить — нет смысла! Нельзя же, чтобы всегда до боли, всегда на пределе, с бесконечными разочарованиями и утратами. Напряженкой будней и риском...

Надо пойти, поужинать. Шагаю через грохочущие тамбуры вагонов. Ресторан уже открылся, и первые посетители неторопливо занимают столики. Сажусь на свободное место, к окну. Заказываю бутылку коньяка, закуску, кофе, сигареты и отодвигаю занавеску. За окном, под вечерним небом, мелькают сплошные березняки. Мне нравится Подмосковье за его березовую теплоту и негу. Даже сейчас, когда вокруг лежит снег и царствует холодный ветер, чувствуется это тепло. Будто незримые энергетические волны исходят от пестрых березовых стволов.

В Карелии совсем другое. Конечно, тамошние леса поражают своей красотой, но суровой и неприхотливой. Можно сказать — мужской!

А здесь ощущается женская, теплая красота и каприз.

Заказ принесла полноватая, не первой молодости официантка в застиранном переднике. Угрюмо поставив передо мной коньяк и закуску, удалилась, перекатывая бедрами и на ходу смахивая со столов невидимые крошки.

Наливаю полный фужер и выпиваю. Но обычной терпкой горечи не чувствую. Так себе... Закусил ломтиком лимона, подождал, пока градусы не ударят в голову, и только тогда принялся за еду. Насытившись, отодвинул на край стола тарелки и закурил. Теперь можно неторопливо посидеть, потягивая коньяк с кофе. Посидеть и подумать. Скорее бы доехать до дома! Там можно расслабиться. Будем ходить с Шурой в кино, театр, в гости. Сами пригласим к себе кого-нибудь. Два месяца пролетят незаметно. Господи, лишь бы не ссориться. Теперь мне это совершенно ни к чему. Вон, до сих пор руки трясутся, и нервы ни к черту.

А потом соберемся и поедем вместе назад, в Заполярье. Хорошо, что семья есть. Там без семьи очень трудно. Пропадешь! Да и спиться можно запросто. После дальних походов всегда хочется расслабиться покруче, забыться на время... М-да...

Штурманенка жалко. Молоденький совсем лейтенантик. Только училище закончил. Это была у него первая автономка. Хороший парень был, душевный. Я видел его потом. Маска на одной половине лица совсем расплавилась, прикипела к коже. Пустые глазницы, судорожно, словно в крике, распахнутый рот... Господи, да что ж это я... Ведь дал себе зарок не думать об этом. Постарался похоронить в себе, на самое доньшко души.

Не заметил, как допил кофе. Заказал еще чашку, смотрю в окно, в сгустившиеся сумерки.

— Можно к вам, не занято? — подошли две девушки в сопровождении высокого, изысканно одетого парня. Компания была уже навеселе и, получив мой утвердительный кивок, со смехом уселась за мой столик.

— Вы меня извините,— с улыбкой обратилась ко мне светловолосая и круглолицая, что расположилась напротив меня,— какое у вас звание? — и указала пальцем на мои погоны.

«Господи,— думаю,— сейчас начнется: что, да где, да как?» — Обычно мне нравятся большие, шумные компании, но сейчас я не был расположен к разговорам. Поэтому буркнул с недовольным видом:

— Мичман!

— Ой, вы, наверное, на корабле служите? — вмешалась вторая, темноволосая девушка, сидящая рядом со мной.

Я уставился в невидимую точку за окном и еще недовольнее ответил:

— Да!

— Ой, как интересно! — всплеснула руками первая.

— Галя, ну что ты пристала к человеку, — вмешался парень, с иронией глядя на меня, — не хочет он с нами разговаривать. Не видишь, что ли?

Подошла официантка принять у моих нежеланных соседей заказ. Заодно рассчитался и я:

— Большое спасибо, — сказал я ей, взял недопитую коньяка и встал. Извинившись перед девушками и слабо улыбнувшись, поплелся в свое купе.

* * *

На вокзале, в Орске меня никто не встречал. Телеграмму я решил не давать. Приеду сюрпризом, так сказать... Сначала навещу родителей, а потом уже к себе. За год успеваешь отвыкнуть от города. Все тебе здесь знакомо и, в то же время, ново и необычно. Сажу у трамвайного окна и с интересом наблюдаю за изменениями, происшедшими в городе. Хотя изменилось не так уж и много, если не считать нескольких новых девятиэтажек, растущих тут и там среди хрущевских коробок. После встречи с родителями направляюсь домой. Шагаю по морозцу к семейной общаге, и от волнения сердце чуть не выскакивает из груди. Сейчас моя удивится, всплеснет руками, бросится на шею... М-да! Если бы так... Подобные проявления чувств моей жене незнакомы. Слегка поднимет брови, изображая удивление, чмокнет наскоро, и примется накрывать на стол. Или нет... Скорее всего, она сейчас спит. Время уже довольно позднее. А она любит лечь пораньше. Я потихоньку зайду и тихо-тихо поцелую ее в губы. Шура проснется и радостно обхватит меня за шею, со сна такая теплая и расслабленная. А, может быть, ее вообще нет дома. Тогда надо придумать новые варианты встречи и подготовить все самому; сбежать в ресторан за спиртным, накрыть на стол и ожидать ее прихода. А вдруг, она сегодня ночует у матери? Не заметил, как ноги принесли меня к дому. Наша комната на третьем этаже. Вот и полутемный, длинный коридор. Те же горшки и мусорные ведра у дверей. У нашей тоже ведро и Шурины шлепанцы. Наверное, дома! Достая ключ и тихонько поворачиваю его в замочной скважине. Предательский щелчок в замке... Попробуй тут зайти тихонько! Делать нечего, открываю. Посреди комнаты с электрической плойкой в руке стоит моя Александра и смотрит широко открытыми, испуганными глазами:

— Сумасшедший, ты же меня до смерти напугал! Слышу, кто-то в замке ковыряется. Ну, разве ж можно так? — она положила плойку на стол и подошла ко мне.

— Вот теперь как мужей встречают, — смеясь, говорю ей и принимаю в свои объятия.

— Сережа, да ну тебя! Смотри, до сих пор руки трясутся... — и поцеловала сначала в одну щеку, потом в другую.

— Это еще что за поцелуйчики, — укоризненно говорю я и впиваюсь в ее губы. Господи, никакого ответного движения. Просто подставила их и все! И такими эти губы показались мне холодными и жесткими! Неужели долгая разлука не сделала ее теплее и сердечнее? Ничего этого я вслух говорить не стал. Стоит ли... Не надо прямо с порога обострять отношения.

— А где Юрик?

— Да к бабушке увела, чтоб не мешал. Целый день стиркой занималась.

Шура принялась хлопотать, готовя стол к ужину:

— Ты сильно проголодался? А то в холодильнике суп стоит. Если хочешь, «замори червячка», пока я картошку почишу.

— Да нет,— говорю,— я немного в поезде подкрепился. Может в магазин надо сбегать?

— Так магазины закрыты уже! А ты что хотел?

— Надо ж к столу что-нибудь...

— Ты знаешь, Сережа, у меня вчера подруга была...— Шура открыла холодильник и достала початую бутылку с шампанским,— может, хватит нам?

— Ну, уж нет,— говорю,— мы так долго не виделись, а ты мне, черт знает что, предлагаешь. Я сейчас быстренько на такси до ресторана и обратно...

Александра лишь молча пожала плечами. Я быстро поймал такси и уже через полчаса был снова дома. Выставил на стол шампанское, коньяк, бутылочку ликера и коробку конфет — гулять, так гулять!..

— Ты так и разъезжаешь в форме? Надо бы в гражданское переодеться.

— Успею еще! Дай с дороги очухаться!

Александра накрыла на стол, и мы подняли первый бокал за встречу. За ужином разговаривали мало. Я начал было рассказывать об Эстонии, где экипаж отдыхал после похода, но лицо ее было каким-то отсутствующим и мои рассказы ее явно не интересовали. Шура слушала вполуха, и мысли витали где-то далеко. Я замолчал, налил в рюмки, мы чокнулись и выпили.

В каких же облаках она витает, о чем думает? Вроде, я куда-то на один день отлучался, а не на четыре с лишним месяца. Что-то мне подсказывало, что не с проста все это.

— Ты здорова, милая, у тебя все хорошо?

И тут огорошила меня жена:

— Ты знаешь, Сережа, я изменила тебе! Скрывать этого не могу. Все равно ты бы сам все узнал!

Выпала у меня вилка из рук, захолонуло сердце:

— Погоди, как это изменила, с кем?

Я ведь не знаю, что говорить в подобных случаях, как вести себя. Александра смотрела, не мигая, в какую-то точку на стене и молчала.

— Ну, рассказывай, коли так,— удивляясь сам себе, спокойно потребовал я.

На ее глазах навернулись слезы:

— Что же тут рассказывать... Соседа нашего знаешь? Ну, Генку с тридцать первой комнаты?

— Н-ну,— выдавил я.

— Вот, с ним! У него день рождения был. Пригласил соседей. Меня тоже.

— Постой, а жена то его где?

— Уехала в отпуск! Посидели мы, выпили, песни пели. Все, вроде, нормально было. А когда все стали расходиться, он попросил меня остаться. Не хотела я, Сережа, прости меня! Как затмение какое нашло...

Александра уронила голову на руки и громко расплакалась. Я налил себе коньяка, выпил, но никакого вкуса не почувствовал. Выпил еще. Мысли в голове перемешались. Ни о чем конкретном не думалось. Так, мешанина какая-то. Погладил жену по голове:

— Ладно,— говорю,— успокойся, чего теперь убиваться? С кем не бывает...— Говорю эти слова и будто говорю не я, а кто-то за моей спиной. Может, Ангел, а мо-

жет, Дьявол... Душа съежилась, а сердцем было жаль Александру. Удивительно, но злости совершенно никакой. Лишь комок недоумения и досады застрял где-то между желудком и горлом.

— Давай постараемся забыть все это и спокойно жить дальше.

Шура удивленно вскинула голову и посмотрела на меня мокрыми от слез глазами. Я смотрел на нее пристально и серьезно. Она снова расплакалась:

— Прости меня, Сереженька, дура я! Ох, какая же я дура!

Спать мы легли уже в третьем часу ночи. Но до самого утра никто из нас так и не сомкнул глаз. О случившемся не хотелось думать. Такими мелкими, не стоящими внимания казались мне и частые разлуки, и ее измена...

Непослушная и строптивая моя мысль-лошадка снова уносила меня из теплой постели туда, в отсеки подводной лодки.

Эпилог

Так получилось, что живу теперь у родителей. До отъезда на север осталось две недели. Говорят, что беда не приходит одна. Не любит она ходить в одиночестве. Заговорили мы с супругой о скорых сборах, о чемоданном настроении и так далее, и снова постигло меня разочарование.

— Зачем я, Сережа, туда поеду? Дослужи свой срок, поживи без меня. Будешь в отпуск приезжать. Мне ведь нелегко с ребенком туда-сюда мотаться.

Не понимает она, что нельзя мне сейчас там одному, наедине со своими мыслями...

И с фляжкой «шила» на столе. Мне тыл нужен! Теплый и надежный. Мне нужно, чтобы было кому из похода встретить и в море проводить.

Уговоры не помогли, и это переполнило мою чашу терпения. Да нет, скорее, отчаянья и безнадеги!

— Если не поедешь,— говорю,— подам на развод! А сам думаю: «С соседом своим не хочет расставаться...»

Пожала она плечами, усмехнулась этак, с недоверием:

— Ну и подавай,— говорит.

А когда принес ей повестку в суд, опешила. Думала, что шутил я...

В тот же день я перебрался к родителям. Удивительно, но как-то спокойно расстались, без шума. Сына только жаль! А что же делать прикажете?

Вся возня, связанная с разводом, заняла одну неделю — я ж в отпуске...

На вопрос судьи, согласна ли она на развод, ответила отрицательно. Но я настаивал! И предполагал, что потом, возможно, буду жалеть об этом. Но будущее меня несколько не занимало. Впереди был флот, новые походы и старые воспоминания. Из кабинета судьи мы шли уже поврозь. Я впереди, она метров на сто позади. Стоя на задней площадке трамвая, я с грустью наблюдал, как Александра провожает взглядом мой уходящий трамвай — свое, теперь уже, прошлое. Мое же прошлое осталось позади. Оно становилось все меньше и меньше, пока не исчезло за поворотом. Мама, сокрушенно вздохнув, постелила мне на диване. Перед этим я долго бродил по городу и спать лег, когда стрелка часов миновала цифру «три».

Окна секли злые ночные снежинки. Я долго ворочался, пока постель моя не согрелась и, оглушенный тяжестью всего пережитого, провалился в тревожную полынью небытия.

И мне что-то снилось...

